

Секретный мир С. К. Ренсом

**S.C. Ransom
Reflection**

С.К. Ренсом

ОТРАЖЕНИЕ

опасность
близко

Москва
2019

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Р39

S.C. Ransom
REFLECTION

Copyright © S. C. Ransom, 2010
This translation of Small Blue Thing is published by arrangement
with Nosy Crow ® Limited

Перевод с английского *О. Солнцевой*
Художественное оформление *М. Коняевой*

Ренсом, С. К.
Р39 Отражение. Опасность близко / С. К. Ренсом ;
[пер. с англ. О. Солнцевой]. — Москва : Эксмо,
2019. — 384 с.

ISBN 978-5-04-102822-0

Алекс и Кэллум просто хотят быть вместе, просто хотят любить друг друга, но это невозможно. Они по-прежнему не могут общаться без волшебного амулета, и с каждым днем девушке кажется, что эта пытка наконец разрушит их отношения. Как можно любить кого-то, если даже обнять его нет возможности? Кэллум бессилён помочь ей, он призрак, пришедший из другого мира. Мира, который сделает все, чтобы вернуть его назад и наказать. Теперь на кону не только их любовь, но и жизнь.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Солнцева О., перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-102822-0

Нынче я –
Маленькая голубая вещица,
Похожая на стеклянный шарик
Или на глаз.

Свернувшись клубком,
В идеальный шар,
Я смотрю за тобой.

Нынче я —
Маленькая голубая вещица,
Сделанная из фарфора
Или из стекла.

Я холодна, гладка и любопытна.
И никогда не моргаю.
Я верчусь у тебя руке,
Верчусь у тебя в руке,
Маленькая голубая вещица¹.

@1985 Suzanne Vega

Воспроизведено с разрешения

«Майкл Хаусман артист менеджмент»

¹ Перевод Е. С. Татищевой.

Посвящается маме и папе

Предупреждение

Окно в моей комнате словно взорвалось. В него ворвался холодный утренний воздух — я вскочила и сунула ноги в шлепанцы, на секунду заподозрив, что сплю. Хруст стекла под подошвами доказывал обратное. Включив свет, я быстро огляделась, но не было похоже, что в комнату что-то бросили. Я поспешила к окну. Задержанные шторы задержали бóльшую часть стекла, но кучки кажущихся смертельно опасными осколков предупреждали о том, что подходить ближе к раме в столь легкомысленной обуви не следует. Подавшись вперед, я открыла шторы. В тусклом утреннем свете дорога была совершенно пуста.

В этот самый момент в дверь ворвался мой папа, за ним по пятам семенила мама.

— Алекс! Что это было? Ты в порядке? — Он обозревал нанесенный комнате ущерб и осторожно прокладывал путь к окну. — Ты кого-нибудь видела? — вертел он головой в разные стороны.

Сердце у меня бешено колотилось, и, прежде чем ответить, пришлось набрать в грудь побольше воздуха.

— Нет. Когда я оказалась у окна, тот, кто это сделал, успел бесследно исчезнуть.

— Ну давайте не будем драматизировать события, — перебила меня пытающаяся успокоить всех мама. — Может, это была птица, не обязательно человек.

Мы с папой понимающе переглянулись, осознавая, что она бормочет какую-то чушь. Не в силах окончательно унять дрожь, я посмотрела на землю перед окном.

— Отсюда мне не видно никаких птиц. Может, ты пойдешь помотришь. Если это действительно птица, то, наверное, лучше будет, если мы прекратим ее мучения.

— Ладно, — кивнула мама и вышла из комнаты.

Как только она оказалась вне пределов слышимости, папа спросил:

— Ты что-нибудь нашла? Кирпич, например?

— Ничего такого. Но все же что-то где-то должно быть. Либо очень тяжелое, либо стремительно летевшее — ведь окно пришло в полную негодность.

Он хмыкнул в знак согласия и опять бросил взгляд на дорогу:

— Мы так этого не оставим. — Он быстро обнял меня. — Пойду надену кроссовки, и, думаю, тебе тоже стоит сделать это. Вернусь через секунду с совком и мешком для мусора. — Когда папа выходил из двери, его голос вдруг стал совсем другим: — О, привет. А я и не думал, что ты можешь функционировать в такое время суток.

Мой брат попытался взглянуть на него с некоторой осмысленностью, но в пять утра он еще был не в силах бороться со сном.

— Подумал, вдруг на нас напали. И захотел помочь, — стал бормотать он мне, когда папа уже исчез из комнаты.

— Ты слишком много играешь в компьютерные игры. Собирался бросить в разбойников свою приставку?

— Ха-ха. Обхохочешься. Так что произошло-то?

— Пока еще не знаем. В моей комнате разбили окно. Мама решила, что в него врезалась птица, а мы с папой считаем, что кто-то что-то в него бросил. Но ни камня, ни чего-либо в этом роде не видать. — Я пыталась говорить легко и не показать, до какой степени напугана.

— Чудно как-то. — В его глазах мелькнул слабый интерес. — Ревнивый бойфренд? Взбешенная подруга? Как-то так? — Я бросила на него самый уничижительный взгляд, на какой только была способна.

— Вряд ли. И когда это я в последний раз обижала кого-то?

Он снова быстро оглядел комнату.

— Тогда это *действительно* птица. — И, скорее всего, так оно и было.

— Ну, если я вам не нужен, пойду нырну в постель, прежде чем папа заставит меня вскарабкаться по лестнице и заделать эту прореху, — пробормотал он, разворачиваясь на месте и направляясь к себе.

Маленькими шажками я пробралась к стулу и села на него, чтобы переобуться. Несмотря на шлепанцы, моя правая ступня оказалась утыкана крошечными осколками, из одного пореза сочилась кровь. Я достала из коробки салфетку и вытерла ее. Ранка совсем маленькая, почти что царапина, и заклеивать ее пластырем не было нужды. Я зажимала ее салфеткой до тех пор, пока кровь не остановилась, и попыталась нашарить под столом кеды. Уже собираясь надеть их, обнаружила вдруг, что в одном из них что-то есть. И когда я перевернула его, на ковер выпал маленький тяжелый белый шарик.

Секунду я таращи́лась на него, а потом неуверенно взяла в руку. Шарик был завернут в бумагу, прикрепленную к нему скотчем. Задержав дыхание, я поддела ногтем его кончик, смятый лист развернулся, и на стол упал мячик для гольфа. Почерк был мне незнаком, но кровь застыла у меня в жилах, когда я прочитала:

Я знаю твой секрет, Алекс.

Заслышав папины шаги на лестнице, я с колотящимся сердцем быстро спрятала листок под учебник математики. Я понятия не имела, что все это значит, но доводить до родителей содержание записки не собиралась.

Дальше мой день продолжал складываться не лучшим образом. Уборка и ожидание человека, который заколотил окно досками, привели к тому, что я опоздала на школьный автобус, но тот, в свою очередь, тоже приехал позже, и потому я провела полчаса на остановке, прислушиваясь к пустопорожней болтовне маленьких детишек. Я мечтала о том, чтобы добираться до школы на автомобиле, но эта мечта была слишком уж отдаленной: днем я должна явиться в полицейский участок, чтобы ответить на вопросы по поводу моих нарушений при вождении, и не на секунду не сомневалась, что со временными правами мне придется расстаться.

Никого из моих подруг в автобусе не оказалось, даже моей лучшей подруги Грейс, и когда я наконец добралась до школы, то направилась туда, где занимался шестой класс, в гордом одиночестве. Завернув за угол, я увидела знакомую фигуру и хотела было улыбнуться, но ее лицо словно окаменело. Ни слова не говоря, она

залепила мне пощечину, так что мою голову отбросило назад и кожа от скулы до уха сильно натянулась.

Обернувшись ей вслед, я пыталась сохранять спокойствие, но мои глаза уже были на мокром месте. Тонкая оболочка нашей дружбы лопнула; казалось, ей хочется убить меня. Она стояла, покачиваясь на пятках, и была готова ударить еще раз. Когда звон в моих ушах поутих, я осознала, что вокруг стоит тишина. В этой части школы всегда было малоллюдно; все остальные уже вошли в здание, а тренировки у девочек помладше еще не начались. Вмешаться в нашу разборку было некому.

Я почувствовала, что моя щека становится красной и начинает гореть, а там, где по ней прошлись ее длинные ногти, остались набухающие следы.

— Какого черта ты сделала это? — зло спросила я, стараясь, чтобы мой голос не дрожал.

— Не смей играть со мной в свои идиотские игры! — прошипела она. — А я-то думала, мы с тобой подруги.

Я бы не стала так описывать наши с ней отношения, но момент для их выяснения был явно неподходящим.

— Я тоже так считала, но подруги обычно не лупят друг друга ни с того ни с сего. — Я шагнула к ней, поглаживая щеку. — Ну давай, выкладывай, что я такого натворила?

— Ну что ж, сама напросилась. Я бы хотела знать, какое тебе дело до моего бойфренда. Почему он так интересуется тобой? Ведь в тебе нет ничего особенного.

Не успев вовремя остановиться, я коротко фыркнула от смеха.

— Что? Мне нет до него никакого дела, и понять не могу, почему ты решила, что есть.

— Ну да, что еще ты могла ответить? — брызнула она слюной, перекосившись от ярости.

— Ты о чем?

— У вас завелись какие-то свои секретки. И мне это известно.

— Чушь какая-то. Откуда ты это взяла?

— А тогда с какой стати у него в компьютере столько материалов о тебе? — ерничала она.

— Каких таких материалов?

— Понятия не имею. Целая куча файлов.

— Зачем они ему? И что в них?

— Пока не знаю, но узнаю, взломав пароль. А ты тем временем держись от него подальше, ясно? Роб мой!

— Эшли, мне это прекрасно известно! И в конце-то концов, разве не ты едешь с ним в Корнуолл? — твердо посмотрела на нее я.

— А ты откуда знаешь про Корнуолл? — Голос у нее стал тихим и зловещим. Я задела ее за живое. Выругавшись про себя, я попыталась придумать подходящий ответ.

— Да так, болтали на перемене. Парочке девушек очень захотелось поделиться со мной этой новостью.

Мысль о том, что некоторые наши подруги рассматривали ее каникулы с Робом как свидетельство того, что она обыграла меня в некоем состязании, очевидно, пришлась ей по душе, и взгляд ее глаз напомнил мне еще об одном взгляде на лице, которое, к счастью, я больше никогда не увижу: в глазах Эшли читался такой же триумф, как и несколько недель тому назад в глазах Кэтрин, когда я оказалась всецело в ее власти в

Королевских ботанических садах Кью. Воспоминание об этом вызвало у меня такую сильную дрожь, что я подалась назад и отвела глаза. Эшли поняла, что одержала победу.

Она пошла прочь; но, сделав всего несколько шагов, развернулась на каблуках и крикнула:

— Повторяю: держись от него подальше! А не то наживешь неприятности на свою голову.

На меня обратились взгляды каких-то проходящих мимо младшекласниц, но я упорно смотрела в спину Эшли, продолжая сдерживать подступающие слезы и чувство обиды. На какую-то секунду я решила было, что это она бросила в окно тот мячик, но с какой тогда стати ей потребовалось давать мне пощечину? Еще не было и девяти, а у меня насчитывалось уже два врага. От страха мои внутренности сжались, и я чуть было не решила отправиться домой и залечь в кровать. Острая боль в щеке постепенно сменялась тупой, и я знала, что надо приложить к больному месту что-то холодное. Тяжело вздохнув, я подумала, что с этим надо поспешить, поскольку через несколько часов у меня была встреча с полицией, и мне не хотелось выглядеть так, будто я с кем-то подралась. Тихо бормоча проклятья в адрес Эшли, я направилась к ближайшему туалету.

* * *

Женщина-полицейский посмотрела на меня поверх очков, слегка покачала головой и вернулась к бумагам, которые держала в руках.

— Ну, Александра? Что ты можешь сказать в свою защиту? — наконец спросила она.

Я сделала глотательное движение, страстно желая, чтобы с моей стороны стола был высокий стакан с водой.

— Мне очень жаль, что так случилось. Я ничего не могу вспомнить. Знаю лишь, что мне было необходимо как можно скорее добраться до моей подруги Грейс. Все остальное — чистый лист бумаги.

Уткнувшись глазами в свои колени, я нервно теребила браслет на руке. Я больше не могла выносить взгляда этой женщины — ведь я так беззащитно врала. — А заключение доктора... Оно может помочь? — заикаясь, проговорила я.

К счастью, тут в разговор вступил мой папа:

— Мы предоставили все нужные медицинские заключения. Они должны быть где-то у вас.

Женщина-полицейский принялась перебирать какие-то листы в папке и, начав читать их, поджала губы. В безликой комнате Туикенемского полицейского участка и по совместительству Центра восстановительного правосудия становилось слишком жарко. Окна не могли улучшить циркуляцию воздуха, поскольку были забраны решетками и открывались лишь на небольшие щелочки. Когда она перевернула последнюю страницу, я изо всех сил попыталась сесть спокойно и не поднимать глаз.

— Ну, все это очень любопытно, — сказала женщина, постукивая по папке длинным костлявым пальцем, а затем стала перечитывать медицинское заключение.

— Мы заручились справкой, которую выдала нам директор школы, — добавил папа, показывая на листок бумаги, высовывающийся из общей кипы. — Из нее явствует, что мисс Харви считает, что самой адекватной

реакцией на происшествие может стать лишение Алексее привилегий старосты.

Старостой я была очень недолго. Мое имя было добавлено в список, когда я находилась в коме после того происшествия в садах Кью, а затем спешно вычеркнуто оттуда, стоило мне только прийти в сознание и оказаться под следствием за езду с временными правами без сопровождающего. Я даже не увидела своего значка старосты.

Женщина-полицейский, выглядевшая так, будто собиралась отчитать папу за то, что он вмешался в разговор, выудила письмо из папки и просмотрела его.

— Спокойно, ты все делаешь как надо, — сказал голос у меня в голове. — Только не слишком уж лебези.

Я вздохнула с облегчением: Кэллум вернулся. Утро выдалось таким длинным и трудным, что у меня не было ни минуты на то, чтобы позвать его, но он все-таки оказался здесь, и мой амулет звякнул как обычно, когда он так шевельнул рукой, что наши находящиеся в разных мирах одинаковые браслеты пересеклись. Я быстро взглянула на свое отражение в стеклянной двери и увидела, как у меня за плечом мелькнуло ослепительно красивое лицо Кэллума. И все мое беспокойство улетучилось — моя любовь к нему уничтожила остальные эмоции. Увидев, что я смотрю на него, он подмигнул мне, а затем стал невероятно серьезен.

Из больницы я выписалась всего две недели назад, и его голос у меня в голове был источником любви и комфорта. Он прекрасно истолковывал события, происходившие в моем мире.

— Сосредоточься! А не то что-нибудь под конец напортачишь! — Он был прав. Конец был близок. Я бы-